

ЕЩЕ РАЗ О «СВОБОДНЫХ УМАХ», ИЛИ КАК ВОЗМОЖЕН СУВЕРЕННЫЙ ИНДИВИДУУМ?

Полякова Екатерина Андреевна – приват-доцент, доктор философии, Университет Грайфсвальд, 17489, Германия, Грайфсвальд, Бадерштрассе 6/7; внештатный научный сотрудник Института философии РАН, 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка 14, стр. 5; E-mail: ekaterina_poliakova@hotmail.com

В статье предлагается интерпретация философии Ницше в связи с введенным им понятием суверенного индивидуума или «свободного духа». При этом ставится вопрос, как возможно говорить о суверенности после проведенной самим Ницше деструкции субъекта, после того как Ницше сам показал, что индивидуальное не может стать доступным сознанию. И интерпретация философии Ницше как проповеди-призыва, и тезис о ее противоречивости представляются равно непродуктивными. Если здесь есть противоречие, то оно неслучайно, оно есть указание на возможность более глубокого понимания суверенности, нежели простая независимость от общественных норм. Перед лицом тонкой, невидимой борьбы вождедений и аффектов, перед лицом разнонаправленных борющихся друг с другом волей суверенность должна быть все снова и снова завоевываема, причем не путем противостояния внешнему давлению, но путем неустанного самопреодоления, путем преодоления собственных глубочайших желаний – того, что Ницше называет «желаниями собственного сердца». Именно они до сих пор принимались философами за доказательства. Потому ницшевский призыв к духовному освобождению обращен прежде всего к философам: они должны научиться держать свои «за» и «против» в узде, они должны научиться видеть тот интеллектуальный ущерб, которым чреваты всякие «убеждения», они должны преодолеть в себе всякую «желательность» и научиться видеть ее несправедливость. Однако это не следует понимать в смысле какого бы то ни было императива. Ибо критерий «желательности» глубоко индивидуален и в высшей степени парадоксален. Вводя его, Ницше указывает на то, что, по его мнению, все еще заслуживает названия суверенности и индивидуальности. Великое недоверие по отношению к самому себе – вектор, указывающий направление той духовной деятельности, которая, как считает Ницше, только и достойна называться философией.

Ключевые слова: Ницше, субъект, суверенный индивидуум, воля, самопреодоление, недоверие

Суверенный индивидуум, как и свободный ум (*freier Geist*), понятия, которые Ницше употребляет в сугубо позитивном контексте. В «Генеалогии морали» и «По ту сторону добра и зла» они вводятся как положительный полюс, как противоположность всего отрицаемого и осуждаемого Ницше – морали рабов, внутреннего палача нечистой совести, навязываемой извне общественной нравственности. Автономный индивидуум должен стать над моральными представлениями, освободиться от навязываемых ему обществом норм, сотворить новые ценности, которым будет следовать только он. Суверенность индивидуума в том и заключается, чтобы не считать свои нравственные обязательства обязательными для всех. Все это звучит как проповедь одиночества и независимости, как, впрочем, Ницше и понимался не раз. И нельзя сказать, что такое понимание неверно. Оно имеет основания, но оно несет в себе и противоречия. Понимание философии как проповеди, вообще, как мне кажется, неизбежно приводит к противоречиям. Что касается

Ницше и тех задач, которые он ставил перед собой и перед «философией будущего» (а «По ту сторону добра и зла» имеет подзаголовок «Прелюдия к философии будущего»), то если его понимать как проповедь чего бы то ни было – высших ценностей, сверхчеловека, суверенного индивидуума, то в таком виде его философию легко подвергнуть уничтожающей критике, причем при помощи текстов самого Ницше. Разве не он стоит у истоков того, что постмодернистами будет названо «смертью субъекта»? Разве не его глубокий анализ понятия личности показал, что индивидуум является чем-то в высшей степени гетерогенным и непрозрачным для самого себя, что наше «я», провозглашающее себя абсолютным и суверенным властителем над всеми своими желаниями, аффектами и потребностями, подобно тому королю, который утверждал, что Франция и он – это одно и то же, или даже скорее подобно ребенку, сидящему на берегу и воображающему, что он управляет проплывающими мимо кораблями.

Нет ничего более непредсказуемого, чем то, что мы называем нашими решениями. Наши страсти, желания, горести и радости, конечно, неповторимы и индивидуальны. Но мы знаем о них лишь столько, сколько позволяет наш язык с его ограниченным словарным запасом, а язык – это как раз и есть «стадная» перспектива, в которую мы как бы переводим все наши индивидуальные чувства и мысли. И только в этом невероятно огрубленном и обобщенном виде они становятся доступны нашему сознанию. Кто же этот индивидуум, который должен быть суверенным, который в состоянии сказать «я» и при этом претендовать на нечто большее, чем недоразумения по отношению к самому себе? Ибо и само сознание не есть некая область, где каждый из нас является полноправным властителем, но поверхностный феномен, некое суммирование время от времени всплывающих на поверхность аффектов. Так называемая душа – это собрание аффектов и влечений («Gesellschaftsbau der Triebe und Affekte»)¹, не более того. Временами один из них одерживает верх и говорит это самое «я».

Как же возможна проповедь суверенного индивидуума? В этой связи хотелось бы подчеркнуть одну вещь, касающуюся изучения Ницше в целом. На мой взгляд, есть две одинаково пагубные тенденции интерпретации Ницше, которые, кстати говоря, совсем необязательно несовместимы друг с другом. Одна из них уже была упомянута: это те интерпретации, которые находят у Ницше тот или иной призыв, т. е. ищут в философии проповедь. Вместо великого учителя подозрения, как назвал Ницше Поль Рикёр², мы имеем тогда яркого проповедника чего бы то ни было – национализма, нового рабства или гуманистического идеала. Парадоксальным образом, интерпретации могут быть самыми разными, но суть одна – вместо философии мы имеем призыв к идеалам и осуждение всех тех, кто служит другим идеалам. Это одна тенденция, которая, как мне кажется, свойственна русской рецепции Ницше (вспомним подзаголовок книги Шестова о Толстом и Ницше «Философия и проповедь»). Другая, более распространенная на Западе, – это поиск у Ницше противоречий, которые, скажем честно, довольно легко найти. Одно из них – это пафос суверенного индивидуума и ницшевская деструкция субъекта, показывающая как раз невозможность такой суверенности. Карл Лёвит сказал как-то, что у Ницше можно найти любые

¹ *Nietzsche F.* Jenseits von Gut und Böse. Bd. 5. S. 27. Здесь и далее Ницше цитируется по стандартному изданию собрания сочинений с указанием тома и страницы: *Nietzsche F.* Sämtliche Werke in 15 Bdn. B.; N.Y.; München, 1980. Здесь и далее перевод мой. – *Е.П.*

² *Ricœur P.* De l'interprétation. Essai sur Freud. P., 1965. P. 40.

утверждения, в т. ч. и прямо противоположные³. Не стану с этим спорить. Однако хочется спросить, какую цель мы при этом преследуем. Для чего мы обращаемся к Ницше? Хотим ли мы просто подтвердить какой-то собственный тезис, используя для этого аргументы «за» и «против», которые нам предоставляет Ницше, причем отбираем их в соответствии с нашими сиюминутными потребностями? В таком случае мы оказываемся на почве уже не проповеди, но чего-то худшего, а именно, идеологии. Тогда, мне кажется, гораздо проще обойтись без Ницше, ибо он неверный союзник для какой бы то ни было идеологии. Например, идеологию свободной личности, сбросившей все оковы общественной морали, Ницше сам назвал бы наивным романтизмом. Мы, конечно, можем проигнорировать это обстоятельство, сославшись на противоречивость Ницше. Если нас такая избирательная интерпретация все же не удовлетворяет, то вполне законно задаться вопросом, нет ли возможности увидеть в Ницше нечто большее, чем задорного ниспровергателя общественных устоев, постоянно себе самому противоречившего. Все же мы говорим о философе, оказавшем, без преувеличения, наибольшее влияние на философию XX в., стоявшего у истоков таких разных течений, как экзистенциализм и философия языка. Что же касается противоречий, то Мюллер-Лаутер в своей эпохальной книге «Ницше. Философия противоположностей и противоположности его философии» как раз показал, что такие интерпретации связаны с очень поверхностным прочтением Ницше. Вместо противоречий следует говорить о глубоких проблемах, которые занимали Ницше и которые, возможно, не имеют однозначных решений⁴.

Конечно, всякая интерпретация это всего лишь интерпретация. В случае Ницше это невозможно отрицать. И все-таки есть значимые интерпретации в истории философии, и они, как мне представляется, есть результат попытки их авторов избежать двух обозначенных тенденций – сведения философии Ницше к призыву-проповеди и тезису противоречивости. Однако противоречия, как и призывы, в текстах Ницше нельзя просто игнорировать. Вопрос остается. Как возможен суверенный индивидуум в свете ницшевской критики субъекта? Как сочетаются идея суверенной личности, которая освобождает себя из-под власти стада, и идея «множественного субъекта», множественности воли и влечений внутри субъекта, который лишь задним числом, в результате недоразумения приписывает себе свои решения, действия и оценки?

Вот что говорит Ницше по этому поводу в «Утренней заре»: «Гнев, ненависть, любовь, сострадание, стремление, познание, радость, горе... Все мы представляем собою не то, чем мы кажемся в тех наших состояниях, которые одни только и могут быть нами осознаны, для которых одних у нас имеются подходящие слова, а следовательно, похвала и порицание. Мы неверно судим о самих себе, опираясь на эти наиболее грубые порывы, которые одни лишь известны нам; ...мы ошибаемся в прочтении этих, как нам кажется, в высшей степени ясных писем нашего “я”. Но наше мнение о себе, составленное таким ложным образом, так называемое наше “я” оказывает влияние на наш характер и на нашу судьбу»⁵.

³ Löwith K. Von Hegel zu Nietzsche. Der revolutionäre Bruch im Denken des 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1958. S. 210.

⁴ См.: Müller-Lauter W. Nietzsche. Seine Philosophie der Gegensätze und die Gegensätze seiner Philosophie. В.; N.Y., 1971. Об этом же писал знаменитый голландский ницшевед Пауль ван Тонгерен (Tongerens P. van. Die Moral von Nietzsches Moralkritik: Studie zu «Jenseits von Gut und Böse»). Bonn, 1989).

⁵ Nietzsche F. Morgenröthe. Bd. 3. S. 107–108.

Именно личностное начало обречено на неизвестность. Стоит нам о нем что-то сказать, стоит вообще обратиться к нему, оно тут же теряет свою индивидуальность, приобретая черты безлично-всеобщего. Наше так называемое «я» оказывается побочным и случайным продуктом, который, подобно мелодии, вплетается в какофонию звуков и мотивов и, в сущности, неотличим от нее.

Интересно, что понятие личности, как и индивидуума, Ницше употребляет не слишком часто, но в важных местах. Например, в «Веселой науке» он высказывает сожаление, что именно у философов так слабо развито личностное начало⁶. Между тем им оно особенно необходимо. Запомним этот момент. Здесь содержится, как мы увидим в дальнейшем, важный намек на понимание суверенности у Ницше. В то же время само понятие личности (таков результат генеалогического анализа) является продуктом христианской переоценки античных ценностей. Личность, индивидуальность, душа как нечто священное и бесценное – настолько бесконечно драгоценное, что сам Бог приносит себя в жертву, чтобы спасти ее для вечности – такое понимание личности для Ницше не менее иллюзорно, чем абстрактный субъект научного познания, бесстрастно и вневременно наблюдающий полностью независимый, но в своей объективности прозрачный для него объект. И в том, и в другом случае – в высшей степени личностном индивидууме и в высшей степени безличном субъекте – мы имеем дело с иллюзией индивидуального, с наивным утверждением целостности и суверенности индивидуума. В одной из своих черновых заметок Ницше даже сетует на то, что такое отрицание целостного и суверенного субъекта – «души» и «личности» (оба понятия стоят в кавычках) – что такое отрицание роднит его с французским «либертинаж»⁷, с теми, кого он сам так охотно высмеивает за их т. н. «свободные» взгляды – «*libres-penseurs*»⁸. Их свободомыслие также, конечно, не более, чем стадный инстинкт, который велит сегодня отрицать все авторитеты и требовать свободы. Но требование свободы парадоксально по существу. «Свободный ум» Ницше не нуждается в том, чтобы кто-то дал ему свободу, более того, он даже испытывает нечто вроде благодарности по отношению к «гнету тысячелетий», ибо без него было бы невозможно то «роскошное напряжение духа», которое в начале «По ту сторону добра и зла» Ницше сравнивает с туго натянутым луком, из которого можно попасть в самые далекие цели⁹.

Что же отличает «свободный ум», каким его видит Ницше, от игр в свободу духа его современников? «В делах духа я тоже жажду войны и противоречий, еще больше войны и больше противоречий...»¹⁰. Это черновая запись Ницше, и она, как мне кажется, нуждается в интерпретации. Остается неясным, как же все-таки возможна целостная и суверенная личность в условиях отрицания личности и индивидуального начала в человеке, по крайней мере, в том, что касается доступного его собственному сознанию понимания себя.

Ницшевский анализ «души» (поставим это слово в кавычки) не заканчивается отрицанием ее ценности и прозрачности для самой себя. Кстати, это было бы и не ново: декартовский субъект подвергался критике и до Ницше, как, впрочем, и христианское понятие души. Всем известно ницшевское разделение на рабов и господ в «Генеалогии морали», но не всегда обращают внимание на то, что по этому поводу сказано в «По ту сторону

⁶ *Nietzsche F.* Die fröhliche Wissenschaft. Bd. 3. S. 577.

⁷ *Nietzsche F.* Nachgelassene Fragmente (Herbst 1884–1885). Bd. 11. S. 558–559.

⁸ *Nietzsche F.* Jenseits von Gut und Böse. Bd. 5. S. 62.

⁹ *Ibid.* S. 12–13.

¹⁰ *Nietzsche F.* Nachgelassene Fragmente (Herbst 1884–1885). Bd. 11. S. 558–559.

добра и зла», а именно, что смешение и взаимные недоразумения между рабом и господином возможны внутри одного человека, внутри одной человеческой души¹¹. Это место представляется важным дополнением к ницшевской критике субъекта. Он не просто оказывается непрозрачным: в нем совершается борьба разнонаправленных сил и волей, причем ему самому трудно, почти невозможно различить в себе раба и господина. Но кто это такие, «раб» и «господин»? Вспомним, что в самом начале «По ту сторону добра и зла» сказано о понятии воли: возможно, не существует того, что принято называть свободной волей, это абсурдное понятие, впрочем, равно как и несвободная воля, говорит Ницше. При этом, однако, вполне имеет смысл говорить о сильной и слабой воле, ибо воли узнают себя в процессе сопротивления и борьбы. Только когда воля наталкивается на сопротивление, становится возможно говорить о воле. Без этого сопротивления, в единственном числе разговор о воле не имеет смысла¹².

Что если это относится и к личности? Бессмысленно говорить о суверенной личности, но не бессмысленно о силе и слабости личности, о рабстве и господстве во внутренней конstellации ее душевных сил, о более или менее суверенном индивидууме, о более или менее свободных умах. Речь здесь идет не только и не столько о борьбе личности против внешнего давления. Перед лицом тонкой, невидимой борьбы вожелений и аффектов, перед лицом разнонаправленных борющихся друг с другом волей противостояние внешнему давлению – например, давлению государственных институтов – становится чем-то второстепенным. Более того, борьба против этих последних скорее служит предлогом для уклонения от внутренней борьбы, средством ее упрощения и прибежищем как раз слабых и стадных, так называемых «свободных умов». Рабский инстинкт активно действует внутри субъекта, особенно в те минуты, когда ему кажется, что он бескорыстно борется за свои идеалы и свою независимость. Раб внутри индивидуума торжествует в *ressentiment*, после чего провозглашает себя господином, более того, единственным действующим лицом в той драме, которая называется индивидуумом.

И все же пока у нас получилась тавтология. Сильная воля побеждает, потому что оказывается сильнее остальных; слабая терпит поражение, потому что она слабее; при этом сильная воля присваивает себе право отождествить себя с индивидуумом и провозгласить его суверенность. В этом смысле любой индивидуум является суверенным, но цена его суверенности иллюзорна – она есть результат забвения предшествующей борьбы. Однако Ницше говорит о суверенном индивидууме не только в этом, критическом смысле, но и в смысле некоего проекта, в смысле чего-то желательного, чего-то более ценного, в смысле «возвышения человеческого типа» («*Erhöhung des Typus Mensch*»¹³). Личность, индивидуум, очевидно, могут для него обладать большей или меньшей ценностью. Но «более или менее» предполагает шкалу ценностей, по крайней мере, критерий силы, пробный камень сил. У Ницше есть выражение: «пробный камень независимости»¹⁴, но прежде чем интерпретировать его, обратим внимание на одно, на первый взгляд, тривиальное утверждение Ницше о том, что ценность той или иной вещи заключается в том, во что она нам обошлась, чего она нам стоила. Сильный тип человека, сильнейшая человеческая порода аристократических домов Рима и Венеции, говорит Ницше, выводилась под влиянием та-

¹¹ *Nietzsche F.* *Jenseits von Gut und Böse.* Bd. 5. S. 208.

¹² *Ibid.* S. 35–36.

¹³ *Ibid.* S. 205.

¹⁴ *Ibid.* S. 59.

кого понимания свободы, которое как раз чуждо современному человеку: свобода как то, что нельзя иметь, но к чему нужно стремиться, что нужно постоянно завоевывать¹⁵. Аристократическая свобода, таким образом, не есть некое состояние независимости, но вновь и вновь завоевываемое право быть свободным, это вновь и вновь обретаемая свобода. Мне кажется, здесь есть указание на то, что означает в данном случае сила и слабость, «более» или «менее». Не забудем, что с точки зрения Ницше совсем не просто отличить раба и господина, аристократа и плебея внутри одной человеческой души. И внутри самого индивидуума аристократическая свобода, суверенность, может быть только вновь и вновь завоевываемая, причем ценность ее – для этого индивидуума – как раз и заключается в том, что она ему дорого, очень дорого обходится. И чем выше цена, чем больше она ему стоит, тем выше и драгоценнее суверенность самого этого индивидуума. Наибольшей свободой и суверенностью он достигает, таким образом, преодолевая самый сильный свой инстинкт, самое сильное вожделение. Именно так говорит Ницше о себе: «С тех пор одинокий и крайне недоверчивый к себе, и не без злобного чувства, я пошел против себя и принял сторону всего того, что именно мне доставляло наибольшую боль и было тяжелее всего. Так я вновь нашел путь к тому смелому пессимизму, который является противоположностью всякой романтической лжи, а вместе с тем, как мне теперь хочется думать, и путь к “самому себе”», к моей задаче¹⁶. Именно это самопреодоление, преодоление самых потаенных и самых сильных желаний, есть признак сильной личности, ее власти над самой собой, знак ее суверенности и свободы.

Такой критерий суверенности и силы имеет одно большое преимущество: его невозможно обобщить, его невозможно сделать внешним критерием, критерием для всех. Потому что какой именно инстинкт сильнее других, какое именно желание наиболее драгоценно и чем именно труднее всего пожертвовать, можно сказать только исходя из внутренней перспективы, и то только по внешним признакам, по тому преодолению, которое имело место. Слишком ли была высока цена или она была недостаточна – никогда нельзя будет сказать наверняка. Поэтому такой критерий имеет смысл только как некий повод к подозрению против того, что Ницше в «По ту сторону добра и зла» называет «желаниями собственного сердца»¹⁷. И именно эти желания лежали до сих пор в основе философии, именно их философы принимали за доказательство. Даже кантовский категорический императив был поводом и лазейкой видеть мир соответствующим потаенным желаниям философа. Ницше предлагает, таким образом, не только новый критерий суверенности, но и новое понимание философии: она должна стать как раз борьбой против «желаний собственного сердца», подозрением против всякой желательности; например, необходимость существования высшего существа для человека является для нее почти доказательством его несуществования. Так, и именно так, должна проявить себя личность в философии. При этом Ницше и не думает скрывать, какая мысль ему самому стоила больше всего, какая жертва потребовала от него самого наибольшего преодоления: мысль о полной бессмыслице бытия, о его полной бесцельности. Это не есть истина в ее старом понимании, это вообще не истина, но это высший пункт того, что Ницше называет своей «последней моралью»¹⁸.

¹⁵ *Nietzsche F.* Götzen-Dämmerung. Bd. 6. S. 139.

¹⁶ *Nietzsche F.* Menschliches, Allzumenschliches. Bd. 2. S. 373.

¹⁷ *Nietzsche F.* Jenseits von Gut und Böse. Bd. 5. S. 167.

¹⁸ *Nietzsche F.* Morgenröthe. Bd. 3. S. 16.

В ее крайней форме она звучит следующим образом: «Бытие, какое оно есть, без смысла и цели, но неизбежно повторяющееся, без завершения в ничто: “вечное возвращение”»¹⁹.

Эта «тяжелейшая мысль» («abgründlicher Gedanke»²⁰) Ницше и есть тот живой пробный камень души, который требует наибольшего самопреодоления. Назвать такой мир «совершенным, божественным, вечным»²¹ требует такого самопреодоления, которое, возможно, никому и никогда еще не удалось до конца.

И все-таки не забудем, что это личный критерий суверенности и силы Фридриха Ницше. Именно так, от первого лица, он и представлен. Повторю еще раз: его нельзя обобщить. Никто не может сказать, какая мысль окажется для другого наиболее тяжелой, какое желание наиболее дорогим, какая жертва потребует наибольшего самопреодоления. Попытки сказать это, попытки навязать здесь общий критерий тут же переводят само самопреодоление в стадную перспективу, в перспективу раба, в перспективу ressentiment. Однако это не единственная проблема. Подобный критерий ценности еще и в высшей степени парадоксален. Ибо суверенность невозможно сохранить, в ней никогда нельзя быть уверенным. Более того, в тот момент когда мы ловим себя на слабости, на желательности и стремимся к преодолению самих себя, мы вновь подчиняемся новой желательности. «Желательность» (Wünschbarkeit), записывает Ницше в черновике, возможно, вообще, является, мировым двигателем, возможна она есть deus²². Человеческий, слишком человеческий инстинкт – инстинкт, направленный против данности, против мира и жизни, – как раз и есть вечное желание иного, желание, чтобы было по-другому (das Anders-Haben-Wollen), признак невыносимости бытия. Ницшевское подозрение против «желаний сердца» опровергает таким образом само себя, подчиняясь критикуемой им самим логике желательности. И Ницше отмечает это: мы здесь, говорит он, делаем как раз то, от чего мы стремились уйти²³. Да и как вообще возможно «принять сторону против самого себя»? Кто это такой, кто должен сделать это? Как возможно принять сторону того, что противоречит самым сильным желаниям? Разве можно это сделать, не подчиняясь какому-то еще более сильному желанию или аффекту? Ницше говорит: да, это так. Думая об этом, мы неизбежно заблудимся в лабиринте желаний, вождлений и аффектов. И все же такие вопросы – признак недоразумения. То, что Ницше предлагает, не есть новый категорический императив. Это вообще не императив, не призыв и не проповедь. Никто не должен занимать позицию, противоположную собственным желанием, никто не должен верить в вечное возвращение бессмыслицы бытия. Подобный критерий, повторю, имеет смысл только как подозрение по отношению к самому себе, только как механизм презрения по отношению к собственной слабости, к рабу внутри собственной души. Конечно, тут можно вместе с критиками Ницше говорить о солипсизме, о замкнутости на самом себе. Не буду с этим спорить. Думается, это справедливые упреки. Но не забудем, что этот призыв, если тут все-таки можно говорить о призыве – скорее, этот зов недоверия, – обращен Ницше в первую очередь к философам, к «философии будущего». Точнее, только такая философия, с точки зрения Ницше, вообще имеет будущее, т. е. заслуживает своего имени. Именно к интеллектуальному миру, к «свободным,

¹⁹ Nietzsche F. Nachgelassene Fragmente Nietzsche F. Nachgelassene Fragmente S. 213.

²⁰ Nietzsche F. Ecce homo. Bd. 6. S. 268.

²¹ Nietzsche F. Nachgelassene Fragmente (Sommer 1887). Bd. 12. S. 213.

²² Ibid. S. 317.

²³ Ibid. S. 316.

все более свободным умам» обращен ницшевский критерий объективности, когда он говорит: «Ты должен был стать господином над собой, господином и над собственными добродетелями. Прежде они были твоими господами, но они могут быть только твоими орудиями наряду с другими орудиями. Ты должен был приобрести власть над своими “за” и “против” и научиться вывешивать и снова прятать их, смотря по твоей высшей цели. Ты должен был научиться понимать... весь интеллектуальный ущерб, которым приходится расплачиваться за каждое “за” и каждое “против”. Ты должен был научиться понимать необходимую несправедливость в каждом “за” и “против”, несправедливость, неотделимую от жизни, обусловленность самой жизни перспективностью и ее несправедливостью»²⁴.

Подобное «ты должен был», повторяю, возможно только как задним числом возникающее подозрение против всякой желательности в интерпретации мира. Держать свои «за» и «против» в узде (в другом месте Ницше сравнивает их с конями и с ослом, которого только время от времени удается удерживать в повиновении²⁵) порой оказывается невозможно. Это вечный повод к недоверию по отношению к своему восприятию жизни, вечная борьба против собственного ressentiment, против того недовольства миром, которое ведет к ressentiment.

Но Ницше не был бы Ницше, если бы он поставил здесь точку. Интеллектуальная совесть, о которой, например, идет речь в самом начале «Веселой науки», конечно, прекрасная вещь. Но и посмеяться над самим собой, своей серьезностью, своей аскетичностью тоже порой не мешает²⁶. И это не пустые слова. В той же «Веселой науке», провозгласив идеал подозрения, Ницше неожиданно оборачивает свой аргумент против самого себя: «Что знаете вы загодя о характере бытия, чтобы быть в состоянии решать, что даст вам преимущество: безусловное недоверие или безусловное доверие?»²⁷. Ведь именно недоверие всегда было идеалом европейской науки, именно недоверие, критика, сомнение были возведены философией Нового времени в метод, провозглашены единственно возможным путем истины. И почему собственно жертва «желаниями собственного сердца» должна быть признана самой тяжелой, преодоление их самым опасным? Что, если доверие, не подтверждаемое ничем, например, доверие к смыслу бытия, к осмысленности человеческого существования или даже доверие к конкретному человеку на более длительной дистанции требует большего самопреодоления и большей силы духа, чем отказ от подобных ничем не подтверждаемых надежд? Что если для жизни, говорит Ницше, «необходимо и то, и другое, много доверия и много недоверия»²⁸?

Эти вопросы остаются открытыми, ибо свои «за» и «против» Ницше представляет намеренно как имеющие альтернативы. Объективность, о которой он говорит в связи с этим, обращаясь к «господам философам», стоит в кавычках, ибо она как раз не есть объективность в прежнем смысле – в смысле свободы от субъективности познающего, от его желаний, страхов и надежд²⁹. И все же, как мне кажется, именно в такой «объективности» в том, что касается своих «за» и «против», Ницше был найден критерий суверенности, критерий сильного индивидуума и «свободного, очень свободного

²⁴ Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches. Bd. 2. S. 20.

²⁵ Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse. Bd. 5. S. 231.

²⁶ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. Bd. 3. S. 373–374.

²⁷ Ibid. S. 575–576.

²⁸ Ibid. S. 576.

²⁹ Nietzsche F. Zur Genealogie der Moral. Bd. 5. S. 364.

духа»³⁰. Его свобода, его суверенность не есть данность, но есть постоянно вновь и вновь завоевываемая дистанция по отношению к самому себе – тот пафос дистанции, который делает возможным самоуважение (Ehrfurcht), который возвышает над самим собой (Selbsterhöhung). Условием такой суверенности как раз и является разнонаправленность воли и желаний, неогомогенность субъекта, его непрозрачность, а также полное отсутствие иного критерия «объективности», кроме подозрения против своих «за» и «против», подозрения против рабских инстинктов внутри собственной души. «Человек – почитающее животное! Но он и недоверчивое животное», говорит нам Ницше, а «сколько недоверчивости, столько и философии»³¹.

---

³⁰ Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Böse*. Bd. 5. S. 60.

³¹ Nietzsche F. *Die fröhliche Wissenschaft*. Bd. 3. S. 580.

Once again on the «free minds», or How is the sovereign individual possible?

Ekaterina Poljakova

Doctor of Philosophy (Habilitation), Privatdozent, University of Greifswald, 17489, Germany, Greifswald, Baderstraße 6/7; freelance research fellow at RAS Institute of Philosophy, 119991, Russia, Moscow, 14/5 Volhonka St.; E-mail: ekaterina_poliakova@hotmail.com

The article suggests an interpretation of Nietzsche's philosophy centred on his notion of a sovereign individual, or "free mind". The question is how is it possible to speak of sovereignty after Nietzsche himself effectuated the destruction of the subject and argued that nothing individual can be accessible to consciousness. The interpretation of Nietzsche's philosophy as a homily or an appeal, on the one hand, and the thesis of its inconsistency, on the other, – both seem equally futile. **And if there is a contradiction here, it is not accidental**, it points the possibility of a more profound understanding of sovereignty than a mere independence from social norms. In view of the subtle and invisible struggle of cravings and affects, in view of the struggling discrepant wills, sovereignty should be won time and again; it should be won, however, not by resisting to outward force, but by indefatigable self-surmounting, by surmounting one's own deepest desires, those which Nietzsche calls "desires of one's own heart". It was these that philosophers have hitherto taken for proofs. Therefore, Nietzsche's appeal for spiritual liberation is, above all, addressed to philosophers: they should learn to keep a tight rein on their 'pros' and 'cons', they should learn to realize the intellectual damage that any 'convictions' are fraught with, they should surmount any "desirability" and learn to see it as unjust. Yet, this is not to be taken as an imperative, **since the criterion of 'desirability' is deeply individual and extremely paradoxical**. **By introducing it Nietzsche shows what in his view still deserves to be called sovereignty and individuality**. A strong mistrust towards one's own self is the vector indicating the direction of spiritual activity which alone, according to Nietzsche, is worthy of being called philosophy.

Keywords: Nietzsche, the subject, sovereign individual, the will, self-surmounting, mistrust

References

Löwith, K. *Von Hegel zu Nietzsche. Der revolutionäre Bruch im Denken des 19. Jahrhunderts*. Stuttgart: Kohlhammer, 1958. 464 S.

Müller-Lauter, W. *Nietzsche. Seine Philosophie der Gegensätze und die Gegensätze seiner Philosophie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1971. 195 S.

Nietzsche, F. *Sämtliche Werke: Kritische Studienausgabe (KSA)*, in 15 Bdn, hrsg. von G. Colli und M. Montinari. Berlin; New York; München: Walter de Gruyter. 1980.

Ricœur, P. *De l'interprétation. Essai sur Freud*. Paris: Ed. du Seuil, 1965. 533 pp.

Tongeren, P. van. *Die Moral von Nietzsches Moralkritik: Studie zu "Jenseits von Gut und Böse"*. Bonn: Bouvier, 1989. 299 S.